

Е. Н. Опочинин

Князь Павел Петрович Вяземский

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/vyazemskiy/opochinin_vyazemskiy.html.

Глубокий след в моей душе оставил навсегда оригинальный образ этого человека. В строгом смысле слова это не был литератор, писатель, это не был ученый; знания его были обширны и разнообразны, но беспорядочны и бессистемны. Зато это был живой источник воспоминаний великого прошлого. Когда-то мальчиком он с образом в руках участвовал в свадебном поезде А.С. Пушкина. Он родился и вырос в семье отца-поэта, друга Пушкина, в семье, тесно связанной с крупнейшими представителями нашей литературы 1820-1840 годов. И на нем самом сохранился отпечаток этой эпохи. Было что-то несовременное в этой львиной голове с гривой седых волос, во всей его фигуре и даже в оборотах его речи, всегда своеобразной. Он никогда не говорил пространно, его речь была отрывиста, полна недоговорок, но сильна и образна. Нельзя сказать, чтобы он был безупречно прям и откровенен, по необходимости и ему приходилось в иных случаях держаться "политики", но это всегда смущало его, и вся его "политика" как-то сама собой разоблачалась и настоящий Вяземский тотчас же весь выступал наружу - грубоватый, но добрый, искренний и простой.

Мне, может быть, скажут, что искренних и добрых людей, а также дилетантов во всех областях знания и искусства слишком много, чтобы посвящать им большое внимание. А я отвечу на это, что П.П. Вяземский, несмотря на беспорядочность своих знаний, не был дилетантом. Особенностью его ума была способность всегда и везде быстро схватывать сущность или то главное, что освещает, а иногда даже исчерпывает предмет. Специалисты-ученые не признавали этого, может быть, завидуя той легкости, с какой давалось ему то, что доставалось им с огромными усилиями.

Я помню, когда князь П.П. Вяземский кончил свою книгу о "Слове о полку Игореве", как напустились на него ученые-специалисты и более других академик Арист Аристович Куник. Между ним и Вяземским дело дошло даже до открытого столкновения, и я помню, как П.П. со свойственной ему экспансивностью среди ученого спора в заседании Общества любителей древней письменности показал своему противнику кулак. Куник, до этого весьма сочувствовавший задачам Общества и намеревавшийся работать в его изданиях, покинул заседание и с той поры разорвал всякую связь с Обществом.

Дело в том, что Вяземский был ученый-артист, а Куник - специалист-ученый. Первый отдавался науке со страстью, с увлечением, преследуя главное, общее, к чему ведет изучение частных, деталей, и иногда недооценивая значение этих частных. Куник же признавал возможность делать выводы лишь после тщательного, скрупулезного изучения деталей и выдвигал их на первый план. В результате у него и Вяземского получилось непонимание друг друга, а отсюда и столкновение: ученый-артист не понял ученого-специалиста и наоборот. Может быть, добавлю я к этому, что у Куника в этом случае играла некоторую роль и зависть, а может, отчасти и самолюбие: как, мол, какой-то любитель, дилетант осмеливается оспаривать меня, известного специалиста?!

Я работал с кн. П.П. Вяземским в Обществе любителей древней письменности и у него лично с конца 1879-го до половины 1883 года и за это время виделся с ним ежедневно. Я приглашен был работать в Складе (так назывался музей Общества любителей древней письменности) по описанию древних рукописей библиотеки Общества. Надо сказать, что этот Склад, или музей, тогда только что устраивался и был в зачаточном состоянии. Собственно говоря, сначала о музее никто не думал: графом С.Д. Шереметевым, бывшим одним из основателей Общества, было отведено помещение в его великолепном доме на Фонтанке, в саду, во флигеле с отдельным подъездом, для склада изданий Общества. Но стали притекать пожертвования в виде древних рукописей и памятников древнерусского искусства - икон, крестов, утвари и проч., и тогда явилась мысль об устройстве музея. Помещение было расширено, появилась кое-какая обстановка: библиотечные шкафы, витрины, огромные ящики для карточного каталога - и дело образования музея пошло с необыкновенной быстротой. Вот здесь-то кн. П.П. Вяземский впервые обнаружил свои необыкновенные способности организатора: буквально из ничего он в короткое время создал интересный и весьма значительный музей.

Он отдавал в Склад все интересное, что собрал сам за свою долгую жизнь, собирал и выпрашивал пожертвования, покупал рукописи и предметы древнего искусства у всяких книжников и антикваров, завел многих поставщиков, а сам, со всей страстностью, ему свойственной, целыми днями занимался со